

ЯЗЫК КАК РЕСУРС ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

СТАРЫЙ ИНСТРУМЕНТ ПОД НОВЫЕ ЗАДАЧИ?

АНН ВИНЬО

МГИМО МИД России, Москва, Россия

ФРАНСУАЗ ЛЕ СО

Редингский университет, Рединг, Великобритания

Резюме

В статье исследуется язык как инструмент внешнеполитического влияния, эволюция подходов к его использованию с течением времени, а также вопрос о том, остаётся ли он актуальным и допустимым в нынешней международной обстановке. Давая обзор использования языка как инструмента внешней политики с междисциплинарной точки зрения, авторы рассматривают роль языковой политики на разных этапах истории: от появления возможности у европейских государств принудительно создавать новую идентичность вокруг единого языка до выполнения имперской миссии – «просвещения» колонизированного населения в попытке обеспечить экономические и культурные блага колониальным державам на длительную перспективу. Успешно пережив процессы деколонизации, к началу XXI века языковая политика обрела новые формы и уже как элемент арсенала «мягкой силы» привлекается государствами для решения внешнеполитических задач сегодняшнего дня. Основываясь на анализе экспертных интервью и источников (как первичных, так и вторичных), авторы показывают, что вера в способность языка формировать лояльность к определённому государству на политическом уровне остаётся по-прежнему сильной, невзирая на то, что нормативный дискурс и средства реализации языковой политики в современных реалиях претерпели серьёзную трансформацию, в частности произошёл отказ от применения силы для продвижения языка, наблюдается почти тотальное доминирование английского языка, утвердилась норма защиты языковых меньшинств, а также происходят обусловленные глобализацией технологические изменения, ослабляющие роль языка в формировании политической идентичности и устойчивых внешнеполитических лояльностей и ориентаций.

Ключевые слова:

внешнеполитические ресурсы; языковая политика; язык меньшинства; мягкая сила; глобализация.

Настоящая публикация представляет собой русскоязычную версию исследования, подготовленного в рамках совместного проекта МГИМО и Школы международных отношений имени Сэма Нанна в Технологическом институте штата Джорджия (Sam Nunn School of International Affairs, Georgia Institute of Technology). Вариант статьи на английском языке опубликован в англоязычной части специального выпуска журнала. Вместе с тем русская и английская версии не являются идентичными, в том числе потому, что в русском языке отсутствует точный эквивалент ключевого понятия *statecraft* и авторы вынуждены использовать сразу несколько различных слов и выражений для передачи смысла этого понятия в разных контекстах («ресурсы», «инструменты», «способы», «формы» реализации внешней политики или поведения государства на международной арене). Подробнее о значении понятия *statecraft* см. вводную статью этого выпуска журнала.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.04.2021

Дата принятия к публикации: 15.07.2021

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: acrowleyvigneau@yahoo.fr

«Наша жёсткая сила меркнет в сравнении с явлением, о котором никогда не говорили пессимисты в период распада Британской империи. Речь идёт об одном из инструментов в арсенале нашей мягкой силы – возможность оказывать широкомасштабное, всепроникающее и вместе с тем неосязаемое влияние по всему миру благодаря английскому языку, который появился и развился в этой стране, а сейчас на нём говорят больше человек, чем на любом другом языке мира»¹.

Приведённое выше высказывание Бориса Джонсона отражает распространённое представление о роли языка в трансляции и мультипликации международного влияния государств. Руководствуясь этим пониманием, многие страны учреждают и в меру имеющихся ресурсов расширяют функционирование сети культурных и языковых представительств, деятельность которых призвана улучшить имидж этих стран за рубежом посредством языковых образовательных и культурных программ. Даже Великобритания, чей язык безусловно доминирует в международной системе, декларирует необходимость поддерживать деятельность Британского совета. В Соединённых Штатах также обсуждается использование аналогичной организации для улучшения восприятия США и бренда этой страны за рубежом [Brett & Schaefer 2019].

Понятие *statecraft* (внешнеполитический инструментарий) определяется по-разному. Оно описывает способы, при помощи которых правительство стремится оказать влияние на другое государство [Джордан, Сталберг, Троицкий 2021; Jordan, Stulberg and Troitskiy 2021], а также укрепить собственную способность демонстрировать силу и проводить оптимальную внешнюю политику. Хотя термин *statecraft* используется в реалистской парадигме международных отношений чаще, чем в либеральных или конструктивистских теориях, он характеризует общий процесс проведения внеш-

ней политики любого государства, поэтому в той или иной степени понятийно совместим со всеми школами международных отношений. В процессе использования имеющейся в его распоряжении ресурсной базы правительство может применять не только инструменты жёсткой силы (принудительные, односторонние способы демонстрации силы, не оставляющие другому государству альтернативы или выбора в подчинении диктуемому курсу), но и инструменты «мягкой силы» (внушение желания следовать предлагаемому курсу). Языковая политика обычно воспринимается как часть «мягкой силы».

Исторически языковая политика была основой создания современных европейских национальных государств, причём единый язык рассматривался многими правительствами в XVIII и XIX веках как необходимое условие для создания национальных сообществ, способных выживать и преодолевать трудности изнутри и извне. Когда европейские государства приступили к колониальной политике, некоторые из них отвели языковой политике важное место в отношениях с завоёванными территориями и распространяли использование своего языка на новых территориях. Другие же государства намеренно не позволяли новым подданным говорить на языке завоевателей, опасаясь, что это может неоправданно расширить их возможности. Столь различные подходы впоследствии определили, насколько широко языки колонизаторов получили распространение в ставших уже независимыми государствах, и они продолжают влиять на языковую политику европейских государств по сей день.

Несмотря на то что страны в основном отказались от принуждения в распространении языка и такие методы больше не получают одобрения мирового сообщества, государства по-прежнему направляют значительные средства на обучение своему языку за рубежом путём создания культур-

¹ Johnson B. Conservative Home. Britain the soft-power superpower of global liberalism. 2016. URL: <https://www.conservativehome.com/parliament/2016/10/britain-the-soft-power-superpower-of-global-liberalism-boris-johnsons-conservative-conference-speech-full-text.html> (accessed: 21.07.2021).

ных и языковых институтов. В данной статье исследуется, как менялось с течением времени отношение к языку как инструменту внешней политики государства, и рассматривается, насколько такой инструмент является актуальным и легитимным в современном глобальном контексте. Опираясь на исторический, культурологический и политический обзор языковой политики, авторы анализируют ряд примеров, пытаясь выяснить, можно ли по-прежнему считать язык эффективным внешнеполитическим инструментом. Исторические примеры Франции, Испании, Великобритании, Камбоджи и Филиппин анализируются с привлечением первичных источников, включая законы, указы и официальные заявления, а также вторичных документов, среди которых специальная научная литература. Для сбора данных о современной языковой политике Франции, Соединённого Королевства, Германии и Китая были проведены экспертные интервью². Почерпнутые в ходе них сведения были сопоставлены с материалами официальных электронных ресурсов и прессы. Цель данной работы состоит не в представлении всеобъемлющего исторического обзора языковой политики, её задача — на основе конкретных примеров, как исторических, так и современных, проследить изменения роли языка в качестве инструмента внешней политики государства. В существующей литературе основное внимание уделяется исчерпывающему историческому анализу отдельных примеров; данное же исследование обращается к важным аспектам из более обширного числа примеров прошлого и настоящего периодов для анализа преемственности и новаций в инструментализации языка во внешней политике.

1

В литературе утвердилось признание языка в качестве фундаментальной предпосылки нациестроительства [Wright 2000;

Connog 1994]. В большинстве стран цели языковой политики заданы идеологией национального государства, согласно которой нации следует быть как можно более однородной в политическом, культурном и языковом отношении [Durand 1996]. Хрестоматийный пример страны с централизованной языковой политикой даёт Франция. На протяжении многих веков искоренение местных культурно-языковых различий было во Франции приемлемым методом государственной политики [Citron 1992], поэтому у этой страны долгая (со времён Людовика XIV) традиция запретов диалектов (пикардского, окситанского и франко-провансальского среди прочих). Французская академия регулировала использование французского языка начиная с 1634 года, опираясь на представление о том, что языки должны быть унифицированными и не различаться в зависимости от региона [Durand 1996]. Тем не менее кодификация и стремление интеллектуальной элиты закрепить исключительное использование французского языка на территории всей страны не означает, что Франции удалось добиться языковой унификации. Монархия терпимо относилась к использованию местных языков, и, согласно опросу, проведённому аббатом Грегуаром в 1790 году, из 26 млн населения 46% либо не говорили на французском, либо не понимали французский язык, а подавляющее большинство не могло говорить на нём правильно [Walter 1994]. После 1789 г. новая Французская Республика стала более настойчиво отстаивать необходимость языкового и социального единства, а местные языки ассоциировались с предательством по отношению к «новому режиму» [Durand 1996].

Государственный деятель Жюль Ферри укрепил французский язык в качестве единственного языка нации, когда в 1882 г. сделал обучение в школе бесплатным и обязательным для всех. Впрочем, этого удалось добиться за счёт принижения диа-

² Информация об интервьюируемых обобщена в приложении. Номера экспертных интервью в последующих ссылках соответствуют номерам в приложении.

лектов, которые были названы *patois* («патуа», что буквально означает «грубая, неуклюжая или некультурная речь») [Gardy 1990]. Другими факторами, укоренившими использование французского языка в повседневной жизни, стали воинская повинность и создание профессиональной гражданской службы, или централизованной государственной бюрократии. Использование патуа строго пресекалось в школах, где начиная с 1860 г. дети, которые говорили вместо французского на региональных языках, должны были носить «знак позора» — предмет, который они передавали следующему ученику, заговорившему на патуа, а ребёнок, у которого этот знак оказывался в конце дня, подвергался публичному наказанию и унижению [Walter 1994; Durand 1996]. По сей день Франция продолжает попытки унифицировать язык, о чём свидетельствует Закон Тубона 1993 года, в котором указано, что французский является языком республики, и предписано использовать его в предельно широком репертуаре случаев — от рекламы до трудовых договоров и издательской деятельности [Sauliere 2014].

Представление о том, что нормализованный литературный диалект (или язык как таковой) отличается от устойчивых местных форм речи, является продуктом идеологии, которая распространилась в XIX веке и вошла интегральным элементом в конструкт «государства-нации», способствуя возникновению национальных государств [Heller 2002]. В 1808 г. Фридрих Шлегель провёл различие между «органическими» и «механическими» языками: первый тип (среди которых санскрит, персидский и европейские языки) он считал более совершенным, чем второй (китайский, баскский, арабский), поскольку в органических языках присутствуют слова с корнями и дополнительными флексиями, что делает их легко адаптируемыми для описания новых понятий и нюансов меняющихся смыслов [Errington 2007]. Этот псевдоакадемический анализ эволюции языка демонстрирует, что в XIX веке языку стали приписывать новое культурное и

историческое значение [Errington 2007] и что некоторые языки считались более качественными инструментами для служения нации в долгосрочной перспективе, чем другие. Государственная власть со временем стала в меньшей степени аппаратом принуждения населения к принятию единой идеологии и в большей — способностью государства на политическом уровне завоёвывать лояльность своих граждан [Gramsci 1971]. Впрочем, несмотря на это существенное изменение в её восприятии, наличие общего, унифицированного по корпусу литературных норм языка по-прежнему считается ключевым фактором в обеспечении единства и выживания государства.

Язык и языковая политика, кроме того, стали важным политическим фактором в процессе колонизации, поскольку европейские народы столкнулись с различными культурами и диалектами, по отношению к которым им надлежало выработать общий подход, соотносящий соответствующие культурно-языковые реалии со стандартом цивилизатора. Не случайно дебаты о человечности народов, открытых в Новом Свете, были сосредоточены, в частности, на культурных и языковых аспектах. Записки Христофора Колумба о путешествиях свидетельствуют о том, что он сомневался, можно ли назвать языком те виды общения, которые он наблюдал [Todorov 1984]. В 1492 г. Антон де Небриха писал королеве Исабель, что «язык всегда был спутником империи, ... язык и империя зародились, выросли и процветают вместе» [Errington 2007]. Язык играл важную, хотя и противоречивую, роль с самого начала процесса колонизации; по большому счету *она сводилась к непризнанию местных языков и навязыванию колониального языка*. Испанское Требование 1513 г. (Requirement), декларирующее право кастильской монархии завоевать Новый Свет и эксплуатировать его жителей, представляет собой интересную иллюстрацию политической роли языка метрополии. Перед началом каждого завоевания жертвам зачитывали этот документ на испанском языке, предполагая,

что неспособность коренного населения Америки понять требование подчиниться была оправданием для всех последующих действий. Как отмечает Джозеф Эррингтон [2007: 26], Требование давало «ранний прототип лингвистической асимметрии колониальной власти: невразумительность речи местных жителей давала достаточные основания для порабощения, поскольку свидетельствовала не о том, что они другие, но об их недостатках». Хотя некоторые из первых монахов-миссионеров пытались принести католицизм в Новый Свет, не меняя языковых обычаев коренных американцев, так как считали их не тронутыми пороками испанских завоевателей, большинство придерживалось рекомендаций церкви, согласно которым перевод молитв на местные диалекты может исказить слово Божье и привести к проникновению язычества в христианские религиозные практики [Burkhart 1989].

В то же самое время язык воспринимался в качестве одного из основных инструментов установления контроля над коренными американцами и обеспечения их политической лояльности. Когда колониализм перерос в империализм, различные метрополии приняли на вооружение разные языковые стратегии. Если в Британской и Французской империях образование повсеместно было организовано на языке колонизаторов, то немцы, напротив, неохотно делились своим языком с народами их колониальных владений [Mazrui 1975]. Обучение населения колоний языку империи, по их мнению, в долгосрочной перспективе могло способствовать не только сокращению разрыва между ними, но и стать стимулом для представителей элиты колоний, могли начать стремиться к обретению равных возможностей. Как отмечает Джозеф Эррингтон: *«Последствия деятельности колониальных лингвистов [...] превзошли намерения, которые ни они, ни другие имперские чиновники не могли полностью контролировать или признать. Подданные колоний пиратски использовали языки метрополий в собственных целях, показывая, что обучение языку сродни предоставлению*

информации или денег: получив их, даритель теряет контроль над тем, как они используются» [2007: 25].

Языковая политика Французской и Британской империй была направлена на укрепление влияния на колонии путём «формирования сознания» коренного населения с помощью образования, а также на создание административной элиты, свободно владеющей языком метрополии и способной управлять территориями от её имени. Распространение языка также рассматривалось как фактор власти и способствовало развитию торговли. Такая стратегия интеграции колоний в единую империю между тем не помешала колонизированным территориям добиться независимости; возможно, она даже привела к более болезненным постколониальным результатам, чем другие колониальные методы.

Глобализация обычно определяется как качественное увеличение транзакций и экономической взаимозависимости в мире, которое приводит к глобальному осознанию возникновения мирового общества (такое понимание также может предшествовать глобализации) [Meuer 2007]. Если изначально в дискурсе глобализации акцент был сделан на роли транснациональных субъектов и исчезновении различий по всему миру, как в языковом, так и в культурном плане [Rosenau 1984], то позже он сосредоточился на ответной реакции государств и сообществ, стремящихся сохранить свою идентичность. Глобализация часто рассматривается как вектор гегемонистского нормативного влияния, осуществляемого сильными странами [Bourdieu 2001], поэтому она привела к культурному сопротивлению, принимающему различные формы. В условиях, когда начинает ощущаться угроза национальной культурной и языковой специфике, быстро набирают силу противодействующие глобализации тенденции.

Государства, обеспокоенные иностранным культурным и языковым влиянием, связанным с глобализацией, могут реализовывать стратегии «локализации», в этом случае защита культуры и родной речи

в основном обеспечивается школьным образованием и телевизионным вещанием на национальном языке [Chiang & Zhou 2018; Schriewer 2003; Lingard 2000]. В литературе нередко встречается идея о том, что глобализация несёт в себе различные противодействующие волны культурного и языкового завоевания и, как результат, способствует скорее разнообразию, чем единству. Российский политолог А.Д. Богатуров зафиксировал и описал сосуществование двух нормативных подструктур, или анклавов: *современность* продвигает рациональные формы социальной организации, основанные на письменных предписаниях, а также на соблюдении формальных правил и законодательно закреплённых норм; второй анклав — *традиционализм* — живёт за счёт воспроизводства традиций и проверенных временем социальных, зачастую неформальных, практик [Bogaturov 2010]. Большинство стран являются системными в том смысле, что в них доминирует одна из двух описанных подструктур; однако в ряде стран, которые в силу особенностей своего социального институционального развития стали конгломератами, эти два анклава сосуществуют в сознании населения примерно на равных, и традиционный анклав может даже модернизироваться, чтобы подражать современным социальным практикам по форме, но не по сути. Социальная динамика в таких конгломератах, как Россия, Китай или Италия, неравномерна, поскольку государству приходится управлять двумя или более системами ценностей одновременно. Глобализация усиливает гетерогенность, а не гомогенность, поскольку страны с современной подструктурой (из-за прибывающих миграционных потоков) могут столкнуться с проблемой управления растущей традиционной системой ценностей во всё более крупных диаспорах и сообществах мигрантов. Хотя управление миграцией является мощным краткосрочным инструментом государственной политики [Pagani 2021], в долгосрочной перспективе жёстко ограничительная политика нежизнеспособна, поскольку в сообществах мигрантов развива-

ются две системы ценностей, что может в итоге изменить культурный облик принимающих мигрантов стран.

Хотя глобализация ассоциируется с возрастающим доминированием глобальных (супер) языков над местными языками, некоторые исследователи обращают внимание на возможности, которые открываются для местных языков в глобальном мире. «Глокализация» [Robertson 1994] может предложить местным языкам и культурам больше возможностей для развития по сравнению с традиционным национальным контекстом. В то время как местные языки открыто подавлялись и запрещались во многих национальных государствах, мультикультурализм как зрелая глобальная норма гарантирует сегодня защиту диалектов в соответствии с международными правилами, а государства, посягающие на них, подвергаются порицанию. В Организации Объединённых Наций защита языков меньшинств считается обязательством в области прав человека в соответствии с Декларацией о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам 1992 года. Языки меньшинств больше не ограничены национальным географическим контекстом и не находятся во власти бюрократии национальных государств, реализующих программы национального единства [Craith 2007]. Мультикультурализм интерпретируется не только как гарантия сохранения отдельных этнических групп, но и как необходимость официального признания их прав, вплоть до возможности самоопределения. Между тем возрождение местных языков, сопровождающее глобализацию, изменило политический ландшафт во всём мире, спровоцировав большое количество территориальных споров.

2

В первой части было показано, что языки являются одним из ключевых аспектов нациестроительства, а языковая политика может способствовать переосмыслению политических предпочтений. Далее будет рассмотрено, в какой степени язык может

восприниматься как эффективный элемент **ресурсной базы государства**, то есть *целенаправленного применения разнообразных национальных ресурсов для достижения внешнеполитических целей*. В частности, настоящий раздел рассматривает преимущества, которые даёт стране наличие доминирующего языка на международном уровне.

В начале XXI века английский язык, по общему признанию, занимает лидирующее положение в мире [Crystal 2003]. Хотя по количеству носителей на первом месте остаётся китайский, английский язык первенствует по числу носителей языка и тех, кто говорит на нём как на иностранном (1268 млн для английского языка против 1120 млн для китайского)³. Статус английского языка обусловлен тем, что он является предпочтительным языком международного общения в подавляющем большинстве контекстов: от интернета до международного бизнеса, науки и дипломатии. Например, лингвистическое неравенство в науке стало объектом многочисленных исследований, в том числе изучались ситуации, когда при направлении научных работ для публикации носители английского языка пользуются преференциальным отношением со стороны редакции [van Parijs 2007]. Большинство ведущих научных журналов требуют, чтобы статьи были представлены на английском языке, что заведомо создаёт дискриминацию в отношении тех, кто не является его носителем. При этом овладение английским языком как иностранным даже на высоком уровне не устраняет этот дисбаланс⁴. Действительно, язык не является объективным фактором общения, в котором все равны. Изучение второго языка редко позволяет иностранцам достичь уровня носителей, что ставит их в невыгодное положение, особенно когда речь идёт об убедительности выступлений в публичных дебатах или о преподава-

тельской деятельности [Ramirez & Kulh 2017]. Ограниченный словарный запас или незнание тонких нюансов употребления и коннотаций могут привести к неточному представлению мыслей говорящего и к тому, что статьи будут отклонены научным сообществом [Flowerdew 2019].

Наличие доминирующего языка даёт ряд преимуществ не только его отдельным носителям, но и государству, для которого он является национальным. Язык — это в сущности валюта международного общения, поэтому если другие страны используют ваш язык, то, развивая данную метафору, это стимулирует вашу торговлю, и другим странам придётся заимствовать ваш язык, чтобы иметь возможность эффективно взаимодействовать с внешним миром. Если сообщества за рубежом могут говорить на языке той или иной страны, то это готовое средство для распространения мировоззрения, культуры и лучшего понимания внешней политики такой страны зарубежной общественностью. Поддержка населения за рубежом способствует распространению норм государства, тем самым закладывая основы эффективной ресурсной базы внешней политики.

Английский язык имеет официальный статус или является государственным языком в 75 странах мира [Majhanovich 2013] и используется в большинстве случаев при заключении международных договоров. Хотя устав ООН существует на нескольких языках, время показало, что английская версия неофициально считается наиболее точной. Чаще всего тексты международных договоров сначала составляются на английском языке, после чего переводчикам ООН не рекомендуется консультироваться с посольствами в процессе перевода, то есть им приходится изобретать новые термины или описательно передавать новые понятия для перенесения смыслов, изложенных на английском, в свой родной язык⁵.

³ Infoplease. Most Widely Spoken Languages in the World. URL: <https://www.infoplease.com/world/social-statistics/most-widely-spoken-languages-world> (accessed: 21.07.2021).

⁴ Экспертное интервью № 3.

⁵ Экспертное интервью № 4.

Английский язык используется как средство международного общения в региональных организациях. Например, в ЕС две трети официальных документов составлены только на английском языке, хотя в этом объединении признаны официальные языки всех государств-членов [Majhanovich 2013]. Несмотря на кампанию за «европейское языковое разнообразие», после *Brexit* возглавленную французским министром по европейским делам⁶, английский, скорее всего, останется основным языком взаимодействия в рамках ЕС.

Когда региональная организация выбирает английский язык в качестве официального, англосаксонские страны получают больше влияния на данную организацию в концептуальном и нормативном планах. Например, английский язык является основным языком Африканского союза, состоящего из 55 государств, или АСЕАН, объединяющей 10 государств Юго-Восточной Азии. В своих соглашениях эти организации используют лингвистические средства английского языка вместе со значениями, изначально присущими этим словам и понятиям. Термин «демократия» может по-разному трактоваться в разных языках, но приоритет отдаётся западному пониманию, поскольку оно было сформировано именно на Западе. В русском языке до сих пор отсутствуют однозначные переводы таких категорий, как *empowerment*, *privacy* или *statecraft*, что отражает процесс формирования концептуального понимания через выбор лингвистических средств выражения⁷.

Английский язык используется не только в качестве официального средства общения в большинстве международных и региональных организаций, но и во время неформальных международных переговоров. Дискуссии в кулуарах между политическими деятелями и теми, кто формирует

политику, обычно ведутся на английском языке, и политики могут потерять неформальный авторитет в группе себе равных, если не смогут говорить на общем (читай: доминирующем, английском) языке⁸.

Американский социолингвист Джошуа Фишман неоднократно подчёркивал, что обязательное изучение английского языка почти на всех уровнях образования в большинстве стран обеспечивает стратегические преимущества англосаксонским странам [Fishman 2006]. Свободное владение английским требуется в большинстве университетов по всему миру, независимо от того, какая специализация у студента. Новая модель университетов мирового класса (World Class Universities), продвигаемая Западом и требующая от университетов конкурировать друг с другом за студентов и преподавателей, добиваться успехов в исследованиях, ориентироваться на заинтересованные стороны и внедрять коммерческую бизнес-модель, заставляет вузы всего мира конкурировать с англоязычными университетами США и Великобритании в соответствии с их правилами, признавая их преимущество с самого начала [Crowley-Vigneau et al. 2020]. Англосаксонские университеты возглавляют международные рейтинги во всех категориях, что отражает преимущества, которые они получают благодаря разработке модели и распространению английского языка в качестве доминирующего. Доминирование в мировой системе образования само по себе позволяет англоязычным странам привлекать таланты и занимать лидирующие позиции в технологическом плане. Наличие доминирующего языка также даёт экономические преимущества, связанные с созданием привлекательной бизнес-среды и языковым туризмом.

Широко распространённая среди государств практика открытия и финансирования

⁶ *Bensaid A.* French call to replace English with Latin as Europe's official language. TRT Wprld. 2021. 15 March. URL: <https://www.trtworld.com/magazine/french-call-to-replace-english-with-latin-as-europe-official-language-44961> (accessed: 21.07.2021).

⁷ Экспертное интервью № 8.

⁸ Экспертное интервью № 6.

ния языковых институтов за рубежом является лишь одной небольшой иллюстрацией признания государствами силы языка в налаживании отношений с гражданскими обществами за рубежом.

Э

В качестве показательного примера эффективных языковых инструментов государственной политики можно привести деятельность США и использование английского языка на Филиппинах. Эта страна дважды становилась колонией: сначала Испании (1565–1898), а потом США (1898–1946). Именно эти два государства оказали на Филиппины наиболее значительное иностранное влияние. Испанский язык оставался доминирующим многие века, обойдя местные диалекты. С XVII по начало XX века испанский язык использовался в сфере государственного управления, это был язык армии, литературы, записи актов гражданского состояния, а также школьного образования [Sibayan 2000]. Даже зачинщики неудавшейся освободительной революции 1896–1898 годов, такие как Хосе Рисаль и Марсело дель Пилар, писали свои памфлеты, статьи, романы и пьесы на испанском, что показывает, насколько этот язык укоренился в стране [Anderson 1983]. Испанский был единственным языком общения, связывающим воедино все разрозненные острова, входящие в территорию Филиппин. В 1900 г. 60% населения страны свободно говорили на испанском как на первом или втором языке, а в некоторых местных диалектах до 40% слов были заимствованы из испанского [Гринина, Романова 2019].

Испано-американская война 1898 г. закончилась поражением Испании в том же году. Согласно заключённому мирному договору Испания уступила Филиппины США, и с этого момента на этой территории начало расширяться американское влияние. США разработали изощрённую и удивительно умную языковую политику на Филиппинах: они поощряли лидеров страны создать собственный национальный язык на основе ряда традиционных диалектов, в частности

тагальского диалекта жителей Манилы, причём этот новый язык должен был заменить испанский в качестве официального [Гринина, Романова 2019]. Параллельно с этим стал внедряться английский язык в качестве фактического средства общения в разных сферах общественной жизни. Сначала это было частью обучения в средней школе, когда в 1898 г. американские солдаты начали преподавать на острове Коррехидор [Martin 2014]. В начале 1900-х годов США отправили на Филиппины группы учителей, томаситов, чтобы помочь создать школьную систему на английском языке [Tagg 2005]. Влияние английского языка постепенно возрастало благодаря радио- и телевизионному вещанию на английском языке. В 1935 г. английский стал официальным языком наряду с испанским, а в 1973 г. испанский язык потерял свой официальный статус и перестал быть обязательным в сфере школьного образования [Гринина, Романова 2019].

Почему испанский язык потерял своё господствующее положение? Некоторые могут связать это с поражением Испании в войне 1898 года. Между тем Испания уступила США контроль над другими территориями, например Кубой, которая не отказалась от испанского языка [Гринина, Романова 2019]. В XX веке испанский язык был связан с колониальным режимом и политическим прошлым, в то время как английский ассоциировался с демократической политикой, современной экономикой и передовыми культурными тенденциями [Craith 2007]. Благодаря английскому языку у женщин впервые появился шанс получить образование, что открыло путь к равным возможностям. Это стало возможным вследствие появления смешанных школ для мальчиков и девочек с преподаванием на английском языке в противовес дискриминационным испанским школам.

В данном случае эффективный внешнеполитический инструментарий основывался на продуманной стратегии, состоящей в том, чтобы сначала подорвать статус существующего языка, затем заменить его местным диалектом, что с большой вероят-

ностью будет одобрено широкой общественностью, и параллельно продвигать развитие языка нового государства, посылая учителей и пропагандируя популярные ценности глобализованного мира. Английский язык стал надстройкой, которая усилила осознание местной идентичности на Филиппинах при поощрении использования местных языков. В то же время английский язык стал необходимостью, поскольку местные языки не обеспечивали доступ к глобальной инфраструктуре знаний [Smolicz, Nical 1997]. На результаты проводимой политики также повлиял положительный имидж США как освободителя в двух мировых войнах.

Американское влияние на Филиппинах помогло США во время «холодной войны» и до сих пор обеспечивает им стратегическое преимущество для сдерживания Китая. Хотя США покинули авиабазу Кларк в 1991 г. и военно-морскую базу Субик-Бей в 1992 г. после извержений вулканов и разногласий с местными властями, начиная с 2012 г. американские военные возобновили своё присутствие на Филиппинах, а благодаря подписанному в 1999 г. Договору об иностранных вооружённых силах стало возможным проведение крупномасштабных военных учений [Woodley 2016]. Филиппины имеют статус «основного союзника США вне НАТО» и являются стратегической площадкой политики Вашингтона на азиатском направлении. 80% жителей Филиппин в 2019 г. положительно оценивали США, что делает их третьей самой проамериканской страной в мире после Израиля и самих США⁹. Наметившаяся политическая напряжённость между Филиппинами и Соединёнными Штатами пока не привела к изменению их союзнического статуса.

Примером *неэффективного инструмента* государственной языковой политики может быть Камбоджа, которая перешла с французского, бывшего языка колонизаторов, на английский язык. Можно было бы ожидать, что французское влияние обеспечит

сохранение французского в качестве второго языка, а кхмерский (также известный как камбоджийский) будет приобретать всё большее значение после получения полной независимости от Франции в 1953 году. Однако, несмотря на то что страна по-прежнему формально ассоциируется с Францией и входит во франкоязычное сообщество, а французский язык преподаётся в некоторых высших учебных заведениях, всё же английский язык имеет гораздо большее хождение и влияние [Majhanovich 2013].

Историю французского влияния на Камбоджу можно проследить с 1863 года, когда французы открыли школы для местных детей. Девяносто лет спустя лишь небольшой процент камбоджийских школьников посещали французские школы: неспособность оказать влияние на колонию в сфере языка и образования объясняется как плохим планированием, так и сопротивлением камбоджийцев [Clayton 1995]. Страна была менее приоритетной для французов (по сравнению с Вьетнамом, имевшим стратегическое значение). Некоторые исследователи отмечают, что французы могли намеренно сократить свои инвестиции в языковое развитие Камбоджи, поскольку эта страна использовалась в первую очередь как буферная зона для Вьетнама, чтобы оттеснить английские интересы в Таиланде [Osborne 1969]. Анализ камбоджийского сопротивления обычно указывает на несовместимость французского образования с существующими в стране традициями и восприятие такого образования как незаконного, что привело к возникновению языкового сопротивления [Clayton 1995]. Неспособность поддержать влияние французского языка в колониальный период и укоренить его в обществе представляется основной причиной того, что Камбодже удалось быстро от него отказаться. Тем не менее в течение колониального периода французский язык продолжал оставаться основным языком управления и закрепился в Камбодже: от государственных служащих требовали свободного владения француз-

⁹ Pew Research Center. Global Indicators Database. Available at: <https://www.pewresearch.org/global/database/indicator/1/survey/17/> (accessed: 21.07.2021).

ским языком, а представители элиты считали, что он обеспечивает им экономические преимущества [Majhanovich 2013].

Английский язык, хотя он был гораздо менее распространён, вытеснил французский благодаря ряду факторов. Камбоджийские студенты начали отдавать предпочтение английскому в высших учебных заведениях, и более половины населения сейчас свободно говорит на английском. Возможно, этому способствовало введение с 2014 г. английского в качестве обязательного школьного предмета [Kirkpatrick 2012]. Стимулом к его внедрению были как внутренние, так и внешние факторы. Соединённые Штаты начали свою деятельность в Камбодже в конце 1950-х годов, они оказывали экономическую и военную помощь, а также поддерживали демократические преобразования в стране после Парижских мирных соглашений 1991 года. Хотя изначально Временный орган Организации Объединённых Наций в Камбодже был двуязычным (французский и английский языки), в итоге именно английский стал предпочтительным. В этой структуре работало более 60 тыс. камбоджийцев, и они были обязаны говорить по-английски [Clayton 2007]. Потребность использовать английский язык в официальной коммуникации вновь возникла в 1999 году, когда Камбоджа стала членом АСЕАН, рабочим языком которой является английский [Majhanovich 2013].

Пример Камбоджи показывает, как при относительно небольшом участии Соединённых Штатов английский язык пришёл на смену французскому в качестве основного иностранного языка страны. Прагматическая необходимость принять английский как доминирующий язык международного общения перечеркнула девятнадцать лет предшествующего иностранного влияния. Шаткие отношения с англосаксонскими странами и более тесные отношения с Китаем не убедили Камбоджу в обратном.

4

Основанная на ограничениях, принуждении и насаждении языковая политика, по-видимому, изжила себя и не может

давать положительные результаты. Поэтому важным направлением государственной политики стало использование «мягкой силы» (или силы привлекательности) через языковые средства, чего, увы, нельзя сказать о систематическом научном изучении данной сферы.

Во время выступления в формате TED в 2010 г. американский политолог Джозеф Най сказал, что «победителем становится тот, кто добивается победы своего нарратива, а не своей армии»; этим он подчеркнул, как важно быть автором главенствующего дискурса в глобальном масштабе [Nye 2010]. Способность страны распространять своё мировоззрение и свои нормы по всему миру во многом зависит от её привлекательности, умения общаться и быть понятой. Усилия государств в области публичной дипломатии часто связаны с распространением языка, что иллюстрирует сеть языковых и культурных центров, открытых разными странами по всему миру. Хотя в настоящее время немецкий Гёте-институт, французский «Альянс Франсез», испанский Институт Сервантеса, Британский совет, китайские Институты Конфуция и другие организации сопоставимы по своим задачам, их, исходя из исторического опыта, можно чётко разделить на две категории. С одной стороны, «Альянс Франсез» и Британский совет (ранее известный как Британский комитет по связям с другими странами) были созданы в 1883 и 1924 годах соответственно и являлись частью колониального господства через языковую и культурную экспансию; с другой стороны, основание немецкого Гёте-института (1951) и китайских Институты Конфуция (2004) было вызвано осознанной необходимостью улучшить имидж этих стран в связи с недавним ущербом их международной репутации. Все эти организации нацелены на распространение культуры и языка страны, они создают национальный бренд, способный продвигать национальную идентичность [Dinnie 2015]. Однако они характеризуются структурными и идеологическими различиями, оказывающими влияние на миссию каждой из организаций.

L'Alliance Francaise pour la propagation de la langue nationale dans les colonies et à l'étranger («Французский альянс за распространение национального языка в колониях и других странах») был создан в 1883 г. в рамках имперской миссии Франции, а именно: для поддержания колониальных амбиций в Тунисе и других странах Средиземноморья, где у неё было сильное присутствие [Horne 2017]. В первые несколько десятилетий существования организация сосредоточилась на сборе средств для финансирования школ во французских колониях. Впоследствии акцент сместился на распространение французского языка и культуры в Европе, Америке и Латинской Америке. Последний регион стал её абсолютным приоритетом после Второй мировой войны [Cortier 1998]. Французский альянс постепенно перешёл от просветительской миссии к распространению «мягкой силы», и, несмотря на войны в период деколонизации (особенно Алжирскую войну, длившуюся с 1954 по 1962) и ассоциации с колониальной политикой, организация сохранила своё первоначальное название или, точнее, его сокращённый вариант. Внимание Франции «к языку как инструменту империи было беспрецедентным среди колониальных держав» [Horne 2017: 95].

В 2019 г. «Альянс Франсез» насчитывал 832 представительства в 131 стране, в которых обучались 490 тыс. студентов. У организации три основные цели: (1) предлагать курсы французского языка как во Франции, так и за рубежом; (2) повышать осведомлённость о французском языке и культуре франкоязычных стран и (3) способствовать культурному разнообразию. В настоящее время значительная часть деятельности организации финансируется за счёт языковых курсов, в то время как правительство обеспечивает только 5% бюджета¹⁰. Сеть институтов «Альянс Франсез» состоит из независимых франшиз, но бренд принадлежит фонду *Alliance Francaise*, который

разрешает использовать его местным организациям только после тщательного изучения устава и заявленных целей. Фонд не получает никакого дохода от использования бренда. Французское правительство отдельно управляет сетью из 150 культурных институтов, которые имеют схожую миссию, но находятся под прямым контролем правительства Франции. Эта модель финансово выгодна для французского правительства и основана на историческом присутствии французского языка в большом количестве стран: французская культурная дипломатия в значительной степени опирается на имперскую экспансию XIX века [Horne 2017].

Британский комитет по связям с другими странами был основан в 1934 г. для преподавания английского языка и продвижения британской культуры за рубежом. Через два года его название было изменено на Британский совет¹¹. Совет открыл свои первые представительства в Румынии, Египте, Португалии и Польше в 1938 г. с целью стимулирования культурного, научного и образовательного сотрудничества с Великобританией и борьбы с распространением фашизма. Хотя первые начинания Совета не были связаны с имперским прошлым, создание Британского Содружества наций после 1949 г. и политические мотивы продвижения интересов Великобритании в бывших колониях привели к тому, что Совет стал постепенно открывать представительства в большинстве стран Содружества. В отличие от французской модели, в британском случае создание Совета было связано не с имперской миссией просвещения населения колоний, а с необходимостью обеспечить переход от колониальной модели к отношениям «мягкой силы» со странами Содружества¹². Некоторые представительства были открыты в странах, находящихся под британским правлением, например на Кипре в 1935 г. перед началом борьбы за независимость греков-киприотов. Тем не

¹⁰ Экспертное интервью № 5.

¹¹ Экспертное интервью № 9.

¹² Экспертное интервью № 1.

менее этот пример больше напоминает усилия британской публичной дипломатии в попытке убедить население в важности связей с Великобританией, чем колониальную образовательную миссию [Hadjithanasiou 2018].

В настоящее время в отделениях Британского совета в более чем 100 странах мира работают 6800 сотрудников. Совет делает акцент на таких ценностях, как равные образовательные возможности и укрепление международного доверия, одновременно реализуя языковые и стипендиальные программы, включая стипендии GREAT, стипендии и гранты Содружества, стипендии фонда *Charles Wallace India Trust* и стипендии *Hornby*¹³. Британский совет в основном финансируется за счёт преподавания и проведения экзаменов, заключения конкурсных контрактов и развития партнёрских отношений, но также получает около 15% доходов от Министерства иностранных дел, Содружества и развития Великобритании¹⁴. В последние годы планы по сокращению расходов отрицательно повлияли на правительственные инициативы 1990-х годов, направленные на развитие связей со странами Содружества через работу Британского совета, что привело к неоднозначным решениям по закрытию офисов Совета в регионах, не имеющих стратегического значения¹⁵.

Созданный в 1951 г. *Гёте-институт* был задуман как гибридная организация, в основном финансируемая Министерством иностранных дел Германии. Названный в честь известного немецкого писателя и интеллектуала Иоганна Вольфганга фон Гёте, институт был призван продвигать немецкий язык по всему миру, преодолеть предрассудки в отношении немецкой культуры, предоставлять информацию о немецком

обществе и политике, а также способствовать взаимопониманию с другими странами через программы образовательных обменов [Lanshina 2015]. Гёте-институт заменил Немецкую академию, которая дискредитировала себя распространением нацистской пропаганды [Brett-Schaefer, 2019]. Перед новой организацией была поставлена сложная задача улучшить имидж Германии за рубежом, который был подорван ролью страны в двух мировых войнах, нацистской идеологией и памятью о прошлом. В 2021 г. в 97 странах действуют 157 Гёте-институтов. Эта сеть объединяет центры Гёте, культурные общества, читальные залы, а также центры сдачи экзаменов и изучения языка. По мере того как Германия превращается в третью экономику мира¹⁶, растёт интерес к изучению немецкого языка и сотрудничеству с Германией во всех областях. Деятельность Гёте-институтов положительно оценивается экспертами за вклад в развитие продуктивного диалога с ближними и дальними странами и повышение привлекательности страны [Jaschke & Keita 2021; Brett-Schaefer 2019; Lanshina 2015].

Начатый в 2004 г. проект «*Институты Конфуция*» был назван в честь древнего китайского философа Конфуция и вдохновлён Гёте-институтами [Hartig 2016]. Институты Конфуция были переданы в ведение канцелярии Международного совета по китайскому языку. Цель заключалась в укреплении «мягкой силы» Китая путём обучения китайскому языку иностранцев в рамках более широкой инициативы по улучшению имиджа КНР за рубежом. В то время как Гёте-институты нередко являются самостоятельными организациями, Институты Конфуция базируются в университетах, где наблюдается наибольший спрос на обучение китайскому языку¹⁷. Условия соглаше-

¹³ British Council. What we do. URL: <https://www.britishcouncil.in/about/what> (accessed: 21.07.2021).

¹⁴ British Council. Finance. URL: <https://www.britishcouncil.org/about-us/how-we-work/finance> (accessed: 21.07.2021).

¹⁵ Экспертное интервью № 2.

¹⁶ Investopedia. The Top 25 Economies in the World. Available at: <https://www.investopedia.com/insights/worlds-top-economies/> (accessed: 21.07.2021).

¹⁷ Экспертное интервью № 7.

ний адаптированы к условиям и финансовым ресурсам стран, в которых открыты институты: в развитых странах университеты обеспечивают около половины бюджета, а в странах третьего мира все расходы берёт на себя Китай [Chew 2007]. Хотя такая модель финансирования и преподавания языка широко приветствуется в вузах по всему миру, неоднократно возникали разногласия, связанные с условиями сотрудничества и идеологическими запросами Китая по чувствительным политическим вопросам [Brett-Schaefer 2019]. У Институтов Конфуция продуктивная финансовая модель, в которой принимает участие страна-реципиент, что способствует двустороннему сотрудничеству и эффективному использованию языка как средства «мягкой силы» [Gil 2017]. Тем не менее переговоры с университетами-партнёрами и попытки контролировать их политический выбор приводили к конфликтным ситуациям, способным ухудшить имидж Китая.

В то время как все языковые и культурные институты нацелены на распространение влияния своей страны, их структура и конкретные цели могут различаться в зависимости от причин их создания. В названии организаций, появившихся в XIX и первой половине XX века, чаще всего напрямую указывается страна происхождения (Альянс Франсез, Британский совет), более поздние организации получили название в честь прославленных и всемирно признанных авторов или философов (Гёте-институт, Институты Конфуция). Давно возникшие организации способны сохранять значительное влияние, несмотря на изменение политической линии, как это видно на примере французского Альянса. Приоритет французского языка, поддерживаемый Парижем со времен Французской революции, продолжает подпитывать и направлять усилия этой организации в области публичной дипломатии по сей день. Преимущество Британского совета состоит в том, что он представляет доминирующий международный язык и может сосредоточиться на продвижении британской культуры для привлечения студентов

и создания новых экономических возможностей. Представляется, что реабилитировать подпорченный имидж страны проще, если спорное поведение осталось в прошлом (Германия), а не продолжается сейчас (Китай).

5

На протяжении веков языковая политика являлась эффективным инструментом успешной государственной политики: сначала благодаря объединению европейских национальных государств через искоренение местных диалектов и навязывание унифицированного и кодифицированного национального языка в попытке выработать новую государственную идентичность, затем путём реализации империалистической миссии «просвещения» колониального населения с целью насильственного создания прочных экономических и культурных связей между колониями и имперскими метрополиями. В этом же ключе языковое планирование стало частью стратегии некоторых стран с целью формирования новых альянсов после окончания колониального правления и до сих пор остаётся заметной частью внешнеполитического арсенала государств. Хотя дискурс и средства реализации языковой политики изменились в новых условиях – в частности, это отказ от принудительных мер в продвижении языков, фактическое доминирование английского языка как нового языка общения в политике, бизнесе и науке, а также правовая защита языков меньшинств – на политическом уровне сохраняется неизменной вера в силу языка для создания альянсов. Действительно, несмотря на скептицизм среди экспертов по языковому планированию, долгосрочная и последовательная языковая политика может дать многообещающие результаты, как в случае с Филиппинами, где США обеспечили себе прочное стратегическое преимущество, или в случае с Гёте-институтом, способствовавшим улучшению имиджа Германии во всём мире. Тем не менее эффективность языковой политики и её наиболее продуктивные формы до сих

пор остаются малоизученными. Более того, требуется дальнейшее изучение соответствия заявленных целей культурных институтов, действующих за рубежом (взаимопонимание, всеобщий доступ к образованию), и их истинных задач (продвижение интересов своей страны, в некоторых случаях финансовая выгода).

Анализ эффективности языковой политики можно поместить в более широкий контекст исследований в области «мягкой силы». В то время как сторонники «мягкой силы» настаивают на том, что язык, образование и общая привлекательность могут стать значительным преимуществом во внешней политике [Nye 2013], другие специалисты отмечают, что эта концепция основана на непроверенных предположениях о том, что она может изменить поведение людей [Ohnesorge 2020; Lomer 2017]. Эффективность языковой политики зависит, согласно выводам данной работы, от характера целей государств и их совместимости с текущим контекстом. Улучшение имиджа страны за рубежом с помощью языковой политики, направленной на устранение исторических разногласий, привлечение туристического потока и увеличение коммерческого обмена с соседними странами, представляется реалистичной, хотя и долгосрочной целью. Использование «мягкой силы» в целях неокOLONIALных планов и для сокрытия нарушений международных норм, скорее всего, при-

ведёт к неудаче и обратным результатам языковой политики.

* * *

В данной статье продемонстрировано, что за последние несколько столетий язык как инструмент государственной политики претерпел изменения, и правительствам приходится адаптироваться к новому глобальному контексту либеральных ценностей. Период, когда государства принудительно формировали новую идентичность на основе единого языка и ставили языковую политику в центр империалистических миссий по господству над миром, закончился, но язык остаётся фактором политики. Языковая политика не только пережила процесс деколонизации, но и фактически приобрела новые формы «мягкой силы», когда государства пытаются таким образом решить новые проблемы. Хотя дискурс и средства реализации языковой политики изменились в новых условиях — в частности, это отказ от силовых средств в продвижении языка, доминирующая позиция английского языка, защита языков меньшинств и технологические изменения, связанные с глобализацией, — вера в силу языка для формирования альянсов на политическом уровне остаётся неизменной, что отражается в значительных финансовых средствах, выделяемых государствами на поддержание языковых и культурных центров по всему миру.

Приложение

Список интервью

№ п/п	Пол	Место работы	Страна/национальность	Язык проведения интервью
1	М	Университет	Россия	английский
2	Ж	Британский совет	Великобритания	английский
3	М	Университет	Великобритания	английский
4	М	Университет	Россия	русский
5	Ж	Альянс Франсез	Франция	французский
6	Ж	СМИ	Россия	русский
7	Ж	Университет	Китай	английский
8	М	Университет	Россия	русский
9	Ж	Университет	Великобритания	английский
10	Ж	Университет	Испания	английский

Список литературы

- Григина Е.А., Романова Г.С. «Посеяв ветер, пожнёшь бурю». Языковая политика и судьбы испанского языка (Каталония, Перу, Филиппины) // *Международные процессы*. 2019. Т. 17. № 3. С. 66–79.
- Джордан Д., Сталберг А., Троицкий М.А. Внешнеполитические ресурсы и инструменты в российско-американских отношениях // *Международные процессы*. 2021. Т. 19. № 1р. С. 6–25.
- Vogaturon A. Delayed neutrality? // *Russia in Global Affairs*. 2010. Vol. 8. No. 2. P. 116–128.
- Bourdieu P. Contre-feux 2. Pour un mouvement social européen. Paris: Raisons d'agir, 2001. 112 p.
- Brett K., Schaefer T. Formalizing the American brand: the case for the US culture, language, and soft-power institutes // *Place Branding and Public Diplomacy*. 2019. Vol. 15. P. 124–133.
- Burkhardt L.M. The slippery earth: Nahuatl-Christian moral dialogue in sixteenth century Mexico. Tempe: University of Arizona Press, 1989. 242 p.
- Chew G. The Confucius Institute in the world: an overview. CHC Bulletin. Singapore: Chinese Heritage Centre, 2007. Vol. 9. P. 13–19.
- Chiang T.H., & Zhou Q. Can cultural localization protect national identity in the era of globalization? // *Educational Philosophy and Theory*. 2019. Vol. 51. P. 541–545.
- Citron S. L'histoire de France, autrement. Editions de l'Atelier, 1992. 242 p.
- Clayton T. French colonial education // *Education policy analysis archives*. 1995. Vol. 3. No. 19. P. 1–14.
- Connor W. Ethnonationalism: The quest for understanding. New Jersey: Princeton University Press, 1994. 248 p.
- Cortier C. Institution de l'Alliance française et émergence de la francophonie: politiques linguistiques et éducatives: 1880–1914. Doctoral dissertation, Lyon 2, 1998.
- Crowley-Vigneau A., Baykov A.A., Kalyuzhnova Y. Implementation of International Norms in Russia: The Case of Higher Education // *Vyssee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2020. Vol. 29. No. 8–9. P. 39–54.
- Crystal D. English as a global language. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 229 p.
- Dinnie K. Nation Branding: Concepts, Issues, and Practice, 2nd ed. New York: Routledge, 2015. 306 p.
- Durand J. Linguistic purification, the French nation-state and the linguist // *Language, Culture and Communication in the New Europe*. Clevedon: Multilingual Matters, 1996. P. 75–92.
- Errington J. Linguistics in a colonial world: A story of language, meaning, and power. John Wiley & Sons, 2007. 210 p.
- Fishman J.A. Language policy and language shift // *An introduction to language policy: Theory and method* / ed. by T. Ricento. John Wiley & Sons, 2006. P. 311–328.
- Flowerdew J. The linguistic disadvantage of scholars who write in English as an additional language: Myth or reality // *Language Teaching*. 2019. Vol. 52. No. 2. P. 249–260.
- Gardy P. Aux origines du discours francophoniste: le meurtre des patois et leur rachat par le français // *Langue française*. 1990. No. 85. P. 22–34.
- Gil J. Soft Power and the worldwide promotion of Chinese language learning: the Confucius Institute project // *Bristol: Multilingual Matters*. 2017. Vol. 167. 152 p.
- Gramsci A. Selections from the Prison Notebooks. New York: International Publishers, 1971. 473 p.
- Hartig F. Chinese public diplomacy: The rise of the Confucius Institute. New York: Routledge, 2016. 204 p.
- Heller M. Globalization and the commodification of bilingualism in Canada // *Globalization and language teaching*. 2002. P. 47–64.
- Horne J. "To Spread the French Language Is to Extend the Patrie" The Colonial Mission of the Alliance Française // *French Historical Studies*. 2017. Vol. 40. No. 1. P. 95–127.
- Jaschke P., Keita S. Say it like Goethe: Language learning facilities abroad and the self-selection of immigrants // *Journal of Development Economics*. 2021. Vol. 149. Art. 102597.
- Jordan J.E., Stulberg A.N., Troitskiy M. Statecraft in U.S.-Russia Relations: Meaning, Dilemmas, and Significance // *Mezhdunarodnye protsessy*. 2011. Vol. 19. No. 1e. P. 4–17.
- Language, power and identity politics. Palgrave Studies in Minority Languages / ed. by M.N. Craith. London: Springer, 2007. 272 p.
- Lomer S. Soft power as a policy rationale for international education in the UK: a critical analysis // *Higher Education*. 2017. Vol. 74. No. 4. P. 581–598.
- Lingard B. It is and it isn't: Vernacular globalization, educational policy, and restructuring // *Globalization and education: Critical perspectives* / ed. by N. C. Burbules, C.A. Torres. New York, NY: Routledge, 2000. P. 79–108.
- Majhanovich S. English as a tool of neo-colonialism and globalization in Asian contexts // *Critical Perspectives on International Education. Comparative and International Education* / ed. by Y. Hébert, A.A. Abdi. Rotterdam: Brill Sense, 2013. P. 249–261.
- Martin I.P. English language teaching in the Philippines // *World Englishes*. 2014. Vol. 33. No. 4. P. 472–485.

- Mazrui A.A.* The political sociology of the English language: an African perspective. The Hague: Mouton, 1975. 231 p.
- Meyer J.W.* Globalization: Theory and trends // *International Journal of Comparative Sociology*. 2007. Vol. 48. No. 4. P. 261–273.
- Nye J.S.* Global power shifts. TED talk. 2010. URL: http://www.ted.com/talks/joseph_nye_on_global_power_shifts (accessed: 11.10.2017).
- Ohnesorge H.W.* A Methodological Roadmap for the Study of Soft Power // *Soft Power: The Forces of Attraction in Internal Relations* / ed. by H.W. Ohnesorge. Springer, Cham, 2020. P. 227–294.
- Osborne M.E.* The French presence in Cochinchina and Cambodia: Rule and response (1859–1905). Ithaca, NY: Cornell University Press, 1969. 359 p.
- Pagani C.* Statecraft migration: managing migration flows at a bilateral level // *Mezhdunarodnye protsessy*. 2021. Vol. 19. No. 1e. P. 79–91.
- Ramirez N.F., Kuhl P.* The brain science of bilingualism // *YC Young Children*. 2017. Vol. 72. No. 2. P. 38–44.
- Robertson R.* Globalisation or Glocalisation // *Journal of International Communication*. 1994. Vol. 1. No. 1. P. 33–52.
- Rosenau J.N.* A pre-theory revisited: World politics in an era of cascading interdependence // *International Studies Quarterly*. 1984. Vol. 28. No. 3. P. 245–305.
- Saulière J.* Corporate language: the blind spot of language policy? Reflections on France's Loi Toubon // *Current Issues in Language Planning*. 2014. Vol. 15. No. 2. P. 220–235.
- Schriewer J.* Historicizing comparative methodology // *Discourse formation in comparative education* (2nd ed) / ed. by J. Schriewer. Oxford: Peter Lang, 2003. P. 3–52.
- Sibayan B.* Resulting Patterns of Sociolinguistic, Socioeconomic and Cultural Practice and Behavior After More than Four Hundred Years of Language Policy and Practice in the Philippines // *Parangal can Brother Andrew: Festschrift for Andrew Gonzales on his Sixtieth Birthday* / ed. by M. Bautista, T. Llamzon, B. Sibayan. Manila: Linguistic Society of the Philippines, 2000. P. 247–261.
- Smolicz J., Nical I.* Exporting the European Idea of National Language: Some Educational Implications of the Use of English and Indigenous Languages in the Philippines // *International Review of Education*. 1997. Vol. 43. No. 5–6. P. 1–21.
- Tarr P.J.* The education of the Thomasites: American school teachers in Philippine colonial society, 1901–1913. PhD Diss, Cornwell University, 2005.
- Todorov T.* The conquest of America: the question of the other, trans. R. Howard. New York: Harper and Row, 1984. 274 p.
- Van Parijs P.* Tackling the anglophones' free ride // *AILA Review*. 2007. Vol. 20. P. 72–86.
- Walter H.* French inside out: the worldwide development of the French language in the past, the present and the future. London: Routledge, 1994. 292 p.
- Woodley D.B.* Return to Clark Air Force Base: Establishing Permanent Military Bases in the Philippines as part of the United States Grand Strategy in the South China Sea. Air War College, Air University Maxwell Afb United States, 2016. 24 p.
- Wright S.* Community and communication: The role of language in nation state building and European integration // *Bristol: Multilingual Matters*. 2000. Vol. 114. 280 p.

LANGUAGE AND STATECRAFT

AN OLD TOOL FOR NEW GOALS?

ANNE CROWLEY-VIGNEAU

MGIMO University, Moscow, 119454, Russian Federation

FRANCOISE LE SAUX

University of Reading, Reading, RG9 3AU, United Kingdom

Abstract

This paper investigates how language as a tool of statecraft has changed over time and whether it remains relevant and legitimate in the current globalised context. Viewing the issue from an interdisciplinary perspective, it considers the role language policies have played at different stages in history, from enabling

European nation-states to forcibly to carve out a new identity around a unified language, to fulfilling the imperialist mission of ‘educating’ colonised populations in an attempt to generate lasting economic and cultural benefits for colonial powers. Language policies survived the decolonization process and took new soft power forms in an attempt to address current day challenges. The authors argue, based on the analysis of expert interviews and data sources (both primary and secondary), that while the discourse and means of implementing language policies have changed under new conditions – particularly the rejection of force in language promotion, the domination of English, the protection of minority dialects, and the technological changes linked to globalization – the belief in the power of language to shape allegiances remains, on the political level, unchanged.

Keywords:

statecraft; language policies; minority dialects; soft power; globalization.

References

- Boguturov A. (2010). Delayed neutrality? *Russia in Global Affairs*. Vol. 8. No. 2. P. 116–128.
- Bourdieu P. (2001). *Contre-feux 2. Pour un mouvement social européen*. Paris: Raisons d'agir. 112 p.
- Brett K., Schaefer T. (2019). Formalizing the American brand: the case for the US culture, language, and soft-power institutes. *Place Branding and Public Diplomacy*. Vol. 15. P. 124–133.
- Burkhardt L.M. (1989). *The slippery earth: Nahuatl-Christian moral dialogue in sixteenth century Mexico*. Tempe: University of Arizona Press. 242 P.
- Chew G. (2007). The Confucius Institute in the world: an overview. *CHC Bulletin*. Singapore: Chinese Heritage Centre. Vol. 9. P. 13–19.
- Chiang T.H., & Zhou Q. (2019). Can cultural localization protect national identity in the era of globalization? *Educational Philosophy and Theory*. Vol. 51. P. 541–545.
- Citron S. (1992). *L'histoire de France, autrement*. Editions de l'Atelier. 242 p.
- Clayton T. (1995). French colonial education. *Education policy analysis archives*. Vol. 3. No. 19. P. 1–14.
- Connor W. (1994). *Ethnonationalism: The quest for understanding*. New Jersey: Princeton University Press. 248 p.
- Cortier C. (1998). *Institution de l'Alliance française et émergence de la francophonie: politiques linguistiques et éducatives: 1880–1914* (Doctoral dissertation, Lyon 2).
- Craith M.N. (Ed.). (2007). *Language, power and identity politics. Palgrave Studies in Minority Languages*. London: Springer. 272 p.
- Crowley-Vigneau A., Baykov A.A., Kalyuzhnova Y. (2020). Implementation of International Norms in Russia: The Case of Higher Education. *Vyshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 29. No. 8–9. P. 39–54. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-8-9-39-54>
- Crystal D. (2003). *English as a global language*. Cambridge: Cambridge University Press. 229 p.
- Dinnie K. (2015). *Nation Branding: Concepts, Issues, and Practice*, 2nd ed. New York: Routledge. 306 p.
- Durand J. (1996). Linguistic purification, the French nation-state and the linguist. *Language, Culture and Communication in the New Europe. Clevedon: Multilingual Matters*. P. 75–92.
- Errington J. (2007). *Linguistics in a colonial world: A story of language, meaning, and power*. John Wiley & Sons. 210 p.
- Fishman J.A. (2006). Language policy and language shift. In Ricento T. (ed.) *An introduction to language policy: Theory and method*. P. 311–328.
- Flowerdew, J. (2019). The linguistic disadvantage of scholars who write in English as an additional language: Myth or reality. *Language Teaching*. Vol. 52. №2. P. 249–260.
- Gardy P. (1990). Aux origines du discours francophoniste: le meurtre des patois et leur rachat par le français. *Langue française*. №85. P. 22–34.
- Gil J. (2017). *Soft Power and the worldwide promotion of Chinese language learning: the Confucius Institute project*. Bristol: Multilingual Matters. Vol. 167. 152 p.
- Gramsci A. (1971). *Selections from the Prison Notebooks*. New York: International Publishers. 473 p.
- Grinina E., Romanova G. (2019). “You reap what you sow.” *Mezhdunarodnye Protsesty*. Vol. 17. No. 3. P. 66–79.
- Hartig F. (2016). *Chinese public diplomacy: The rise of the Confucius Institute*. New York: Routledge. 204 p.
- Heller M. (2002). Globalization and the commodification of bilingualism in Canada. *Globalization and language teaching*. P. 47–64.
- Home J. (2017). “To Spread the French Language Is to Extend the Patrie” The Colonial Mission of the Alliance Française. *French Historical Studies*. Vol. 40. №1. P. 95–127.

- Jaschke P., Keita S. (2021). Say it like Goethe: Language learning facilities abroad and the self-selection of immigrants. *Journal of Development Economics*. Vol. 149. Art. 102597.
- Jordan J.E., Stulberg A.N., Troitskiy M. (2021). Statecraft in U.S.-Russia Relations: Meaning, Dilemmas, and Significance. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 19. No. 1e. P. 4–17.
- Jordan J.E., Stulberg A.N., Troitskiy M. (2021). Statecraft in U.S.-Russia Relations: Meaning, Dilemmas, and Significance. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 19. No. 1r. P. 6–25.
- Lomer S. (2017). Soft power as a policy rationale for international education in the UK: a critical analysis. *Higher Education*. Vol. 74. No. 4. P. 581–598.
- Lingard B. (2000). It is and it isn't: Vernacular globalization, educational policy, and restructuring. In Burbules N. C., Torres C.A. (eds.), *Globalization and education: Critical perspectives*. New York, NY: Routledge. P. 79–108.
- Majhanovich S. (2013). English as a tool of neo-colonialism and globalization in Asian contexts. In Y. Hébert, A.A. Abdi (eds.), *Critical Perspectives on International Education. Comparative and International Education*. Rotterdam: Brill Sense. P. 249–261.
- Martin I.P. (2014). English language teaching in the Philippines. *World Englishes*. Vol. 33. No. 4. P. 472–485.
- Mazrui A.A. (1975). *The political sociology of the English language: an African perspective*. The Hague: Mouton. 231 p.
- Meyer J.W. (2007). Globalization: Theory and trends. *International Journal of Comparative Sociology*. Vol. 48. No. 4. P. 261–273.
- Nye J.S. (2010). Global power shifts. TED talk. URL: http://www.ted.com/talks/joseph_nye_on_global_power_shifts (accessed: 11.10.2017).
- Ohnesorge H.W. (2020). A Methodological Roadmap for the Study of Soft Power. In H.W. Ohnesorge (ed.), *Soft Power: The Forces of Attraction in Internal Relations*. Springer, Cham. P. 227–294.
- Osborne M.E. (1969). *The French presence in Cochinchina and Cambodia: Rule and response (1859–1905)*. Ithaca, NY: Cornell University Press. 359 p.
- Pagani C. (2021) Statecraft migration: managing migration flows at a bilateral level. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 19. No. 1e. P. 79–91.
- Ramirez N.F., Kuhl P. (2017). The brain science of bilingualism. *YC Young Children*. Vol. 72. No. 2. P. 38–44.
- Robertson, R. (1994) 'Globalisation or Glocalisation'. *Journal of International Communication*. Vol. 1. No. 1. P. 33–52.
- Rosenau J.N. (1984). A pre-theory revisited: World politics in an era of cascading interdependence. *International Studies Quarterly*. Vol. 28. No. 3. P. 245–305.
- Saulière J. (2014). Corporate language: the blind spot of language policy? Reflections on France's Loi Toubon. *Current Issues in Language Planning*. Vol. 15. No. 2. P. 220–235.
- Schriewer, J. (2003). Historicizing comparative methodology. In Schriewer J. (ed.), *Discourse formation in comparative education* (2nd ed). Oxford: Peter Lang. P. 3–52.
- Sibayan B. (2000). 'Resulting Patterns of Sociolinguistic, Socioeconomic and Cultural Practice and Behavior After More than Four Hundred Years of Language Policy and Practice in the Philippines'. In Bautista M., Llamzon T., Sibayan B. (eds.) *Parangal can Brother Andrew: Festschrift for Andrew Gonzales on his Sixtieth Birthday*. Manila: Linguistic Society of the Philippines. P. 247–261.
- Smolicz J., Nical I. (1997). 'Exporting the European Idea of National Language: Some Educational Implications of the Use of English and Indigenous Languages in the Philippines'. *International Review of Education*. Vol. 43. No. 5–6. P. 1–21.
- Tarr P.J. (2005). *The education of the Thomasites: American school teachers in Philippine colonial society, 1901–1913* (PhD Diss, Cornwell University).
- Todorov T. (1984). *The conquest of America: the question of the other*, trans. R. Howard. New York: Harper and Row. 274 p.
- Van Parijs P. (2007). Tackling the anglophones' free ride. *AILA Review*. Vol. 20. P. 72–86.
- Walter H. (1994). *French inside out: the worldwide development of the French language in the past, the present and the future*. London: Routledge. 292 p.
- Woodley D.B. (2016). *Return to Clark Air Force Base: Establishing Permanent Military Bases in the Philippines as part of the United States Grand Strategy in the South China Sea*. Air War College, Air University Maxwell Afb United States. 24 p.
- Wright S. (2000). *Community and communication: The role of language in nation state building and European integration*. Bristol: Multilingual Matters. Vol. 114. 280 p.